

День, как всегда, промчался, не успев ухватить себя за хвост. С тех пор, как в мою жизнь ворвался Самаэль, самой судьбе, казалось, доставляло удовольствие играть со мной. Раньше я мечтала о том, чтобы день быстрее закончился, чтобы обрести покой. Теперь же мир кружился быстрее, чем я могла осмыслить, и пора было возвращаться домой. Уже два дня подряд я ловила себя на том, что пристально смотрю на дорогу, ведущую к холму, где стояла моя хижина. "Вернусь я или нет, ничего не изменится", — бормотала я, стиснув кулаки. "Только бы он ещё не вернулся", — добавила я, выдохнув с трудом. Сделав усилие, я двинулась в путь, волоча ноги к своему убогому жилищу. Эти два дня я ни разу не заходила домой с таким чувством тоски. Я привыкла, сжав зубы, добираться до дома, несмотря на усталость. Теперь же причина была совсем другой. Идти обратно было легче, чем обычно. Я словно летела, и вот уже оказалась на вершине холма. К моему удивлению, там, на вершине, меня ждало совсем не то, что я ожидала увидеть. Рыцари, с их безупречной выправкой, но без тяжелых доспехов, разбрелись по склону. Некоторые кормили лошадей, другие строили конюшню. Повсюду лежали бревна и другие материалы для постройки дома. Я не могла понять, зачем им понадобилось строить на том месте, где годами стояла моя хижина. Я наблюдала за ними, за их молчаливой, размеренной работой. Словно попала на стройплощадку, перепутав дорогу. Но моя хижина все ещё была там. В тот миг, когда я с любопытством наблюдала за ними, плечи мои окаменели. "Ты", — раздался за моей спиной голос действующего герцога. Медленно я повернулась, встречаясь с его взглядом. Не колеблясь ни секунды, я опустилась на колени, коснувшись лбом земли. "Зачем ты преклоняешь колени?" — спросил он, не меняя обычного бесстрастного тона. "Эта крестьянка выражает почтение действующему герцогу", — ответила я, стараясь звучать вежливо, хотя голос мой дрожал от волнения. "Несмотря на то, что ты сейчас крестьянка, ты станешь герцогиней Гримсбанна. Поэтому, преклоняя перед кем-то колени, ты можешь поставить под угрозу положение его светлости", — сухо объяснил Руфус, и его слова откликнулись тяжестью на моих плечах. Будущая герцогиня? Даже действующий герцог поверил лжи настоящего герцога. "Я не смею питать такие амбиции, господин", — прошептала я сквозь стиснутые зубы. Как он мог поверить в эту ложь? Крестьяне неграмотны, как он мог представить меня герцогиней, которая должна выполнять свои обязанности? "Я знаю. Крестьянка не смеет даже мечтать. Сама мысль о том, чтобы посягнуть на что-то большее, чем ты можешь получить, карается смертью", — согласился Руфус, словно ударив меня этой холодной правдой, которую я знала уже давно. Я слышала его слова, стиснув руки. Руфус — один из ярких примеров того, как аристократы смотрят свысока на таких крестьян, как я. "Однако, если его светлость решил, что что-то должно произойти... или что кто-то должен быть... то это должно произойти. Неважно, насколько это нелепо, и как это может поставить его положение под угрозу", — добавил Руфус, а я молчала. Если бы не ложь герцога, я уверена, действующий герцог не был бы так сдержан. Я могла представить себе худший исход, не будь Самаэль моей опорой, пусть и не прямой. "Я всего лишь проясняю ситуацию. Вы должны вести себя как подобает человеку, по крайней мере. Встаньте и никогда больше не преклоняйте колени перед кем-либо", — приказал он. Я никогда не испытывала такой ярости. Я привыкла к презрению, к суровым замечаниям аристократов, к тому, что меня воспринимают как скот. Я очерствела, привыкнув к их прихотям. Однако его последние слова заделали меня за живое. Вести себя как подобает человеку? Ха! Медленно, как он приказал, я подняла голову и встала. Встав на ноги, я повернулась к Руфусу, подняв подбородок и стиснув кулаки. "Я может быть крестьянка, но я живу по человеческим моральным принципам, господин", — выпалила я, сдерживая бурю эмоций. Даже я сама удивилась своей смелости. Но я устала от того, что люди постоянно судят о нас по нашему происхождению и статусу. "Если бы вы вышли в мир и посмотрели на него, вы бы, быть может, увидели его иронию, господин", — произнесла я, поклонилась и отвернулась. Моя ситуация сделала из меня человека, готового к казни. Я больше не боялась. Аристократы? Да, смешите меня. Их интересовало только их собственное благополучие. В то время как крестьяне, такие как я, изо всех сил стараются выжить. Но у нас ограничены ресурсы, поэтому мы подчинялись властным. Некоторые

крестьяне могли сойти с ума и совершать преступления, но это просто свидетельствовало о том, как прогнил этот мир. Я ушла, не оглядываясь. Мне нужно было сохранять этот показной мужество до конца. "Аристократы... все они одинаковы", — прошептала я себе под нос, проходя мимо суесящихся рыцарей и направляясь к своему жилищу. ***"Если бы вы вышли в мир и посмотрели на него, вы бы, быть может, увидели его иронию, господин". Когда Лилу выпалила эти слова и ушла, Руфус остался безмолвен. Он смотрел ей вслед, его глаза были полны явного восхищения. "Пф-ф! Не слишком ли она дика, Руфус?" — раздался внезапно голос Самаэля. Руфус медленно повернулся, поднял голову и сразу же увидел Самаэля, сидящего на толстой ветке дерева. "Ваше Высочество, как вы можете быть влюблены в такую грубую крестьянку? Неужели это ещё один акт неповиновения монархии?" — спросил Руфус. Восхищение в глазах Руфуса меркло. Тон его голоса остался прежним. "Акт неповиновения?" — переспросил Самаэль, слегка усмехнувшись. — "Ты, из всех людей, должен знать, что я могу разорвать в клочья того, кто сидит на троне, и повесить его голову на главной площади столицы, если того захочу". Самаэль усмехнулся, в его глазах блеснула злоба. Руфус молчал, сжав губы. "Не волнуйся, Руфус. Те аристократические капризы, которые ты терпел во время моего сна, закончились. Они слишком избаловались и издевались над нашим народом". "Ваше Высочество, дворец всегда покровительствовал этим аристократам. Мы не можем..." — начал Руфус, но его слова затихли, когда он увидел хладнокровие Самаэля. В глазах бывшего герцога блеснула решимость, он склонил голову. "Твой брат, король, покровительствовал этим аристократам. Но Гримсбанн — это земля, которой ты управлял, Ваше Высочество. Скажи, с кого начать, и мы немедленно отправим его на казнь". "Ха-ха! Руфус, ты совсем не умеешь развлекаться!" — засмеялся Самаэль, качая головой. Самаэль спрыгнул с ветки, мягко приземлившись на землю. "Где тот Руфус, которого я знал до своего сна?" — усмехнулся он, кладя руку на напряженное плечо Руфуса. Он с лукавой усмешкой посмотрел на Руфуса. "Отправлять их сразу на эшафот слишком скучно, правда?"